

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ
АРХИТЕКТУРНЫЙ
ФЕСТИВАЛЬ

ЗОДЧЕСТВО
ВОСТОЧНОЙ
СИБИРИ

2004 год. ПОСТРОЙКИ

архитектура

1 Золотой диплом

Аудиторный блок Иркутской государственной экономической академии
Авторский коллектив:
Е. Григорьева, А. Буйнов,
С. Муллаяров, А. Этингов

1

2 Серебряный диплом

Вокзальный комплекс Детской железной дороги на острове «Юность», г. Иркутск
Авторский коллектив:
В. Распутин, М. Распутина,
Л. Горельченко, В. Жук

2

3 Бронзовый диплом

Римско-католическая церковь по пр. Строителей в г. Улан-Удэ
Авторский коллектив:
И. Ершов, Д. Жигжитова.

3

реконструкция и реставрация

1 Золотой диплом

Памятник истории и культуры конца XIX века. Главный дом и доходный дом в усадьбе Миндалевичей по ул. Чехова, 2 в г. Иркутске
Авторский коллектив:
А. Мироненко, А. Яковлев,
О. Александрова, Г. Налимова,
Ю. Ивайловская, О. Бабкина,
Л. Антонова

1

2 Серебряный диплом

Никола-Иннокентьевская церковь в г. Иркутске
Авторский коллектив:
А. Буйнов, М. Гурьева,
Н. Носова, И. Смирнов, В. Жук,
Л. Горельченко

2

3 Бронзовый диплом

Концепция цветового решения фасадов центральных улиц г. Ангарска
Авторский коллектив:
Е. Тимофеева, В. Зубарь

3

интерьер

1 Золотой диплом

Реконструкция Братского драматического театра
Авторский коллектив:
В. Астраханцева, М. Ульянов,
Ю. Коробко, Н. Лагута

1

2 Серебряный диплом

Интерьер квартиры, г. Красноярск
Авторский коллектив:
Ю. Казук, Е. Казук,
А. Снегирев

2

3 Бронзовый диплом

Конференц-зал санатория «Электра» ОАО «Иркутскэнерго»
Авторский коллектив:
Д. Цой, Б. Жартун

3

2004 год. ПОСТРОЙКИ

монументально-декоративное искусство

1

1 Золотой диплом
Скульптурная композиция для г. Улан-Удэ
«Красавица Ангара», «Мэрген»
Авторский коллектив:
Д. Уланов, А. Миронов

2004 год. ПРОЕКТЫ

архитектура

1

2

3

1 Золотой диплом
16-этажный дом - комплекс в условиях плотной городской застройки
Авторский коллектив:
Н. Жуковский, Д. Сидельников, Л. Распутина, И. Буторин, Д. Иванов

2 Серебряный диплом
VIP-гостиница на оз. Байкал
Авторский коллектив:
А. Буйнов, Н. Носова

3 Серебряный диплом
Загородный дом Л. Б. П.
Авторский коллектив:
О. Бадула, Ю. Лифантьева, Ю. Петрук

4

5

4 Бронзовый диплом
Жилой комплекс «Гремячий Лог» по ул. Киренского в г. Красноярске
Авторский коллектив:
А. Добролюбов, П. Жабин, М. Меркулов

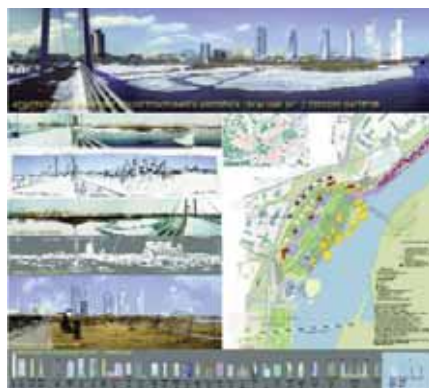
5 Бронзовый диплом
Жилой дом по ул. А.Невского в г. Иркутске
Авторский коллектив:
А. Юшков, Л. Юшкова
А. Зимица, О. Пискунов

2004 год. ПРОЕКТЫ

градостроительство

1 Золотой диплом

Градостроительная концепция многофункционального комплекса «Красный Яр», г. Красноярск
 Авторский коллектив:
 А. Демирханов, А. Пелипенко, Д. Жданов, Т. Худякова, И. Исаева

1

2 Серебряный диплом

Проект застройки группы жилых домов переменной этажности в Иркутском районе
 Авторский коллектив:
 Е. Григорьева, С. Муллаяров, Д. Дресвянкин, Н. Тигунцева, Е. Ашихмина

2

3

3 Бронзовый диплом

Генеральный план г. Шелехов
 Авторский коллектив:
 Е. Протасова, В. Снежко-Блоцкий, Л. Самосват, А. Ляпин, Е. Константинов, М. Мамонтова

реконструкция и реставрация

1 Серебряный диплом

Реставрация памятника архитектуры XIX века «Дом Усенко» по ул. Грязнова, 22 в г. Иркутске
 Авторский коллектив:
 А. Поликарпочкин, С. Нефедьев

1

2

2 Бронзовый диплом

Памятник истории и культуры конца XIX в. «Усадьба Катяшевичевых-Плетюхина. Доходный дом» по ул. Горького, 42
 Авторский коллектив:
 Т. Гусева, А. Яковлев, Ю. Лебенко, О. Александрова

интерьер

1 Серебряный диплом

Салон красоты
 Авторский коллектив:
 Д. Цой, Б. Жартун

1

2 Бронзовый диплом

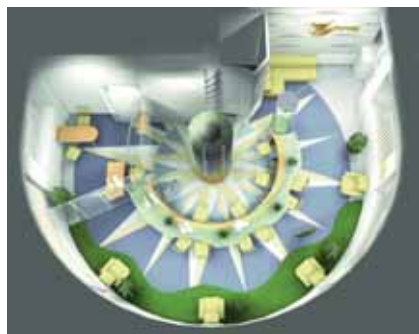
Интерьеры тренажерного зала и зала заседаний ВСЖД
 Авторский коллектив:
 А. Поликарпочкин, С. Нефедьев, В. Хомуненко

2

2004 год. МОЛОДЕЖЬ И СТУДЕНТЫ

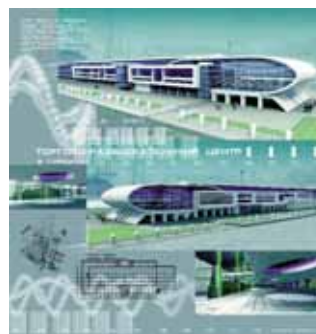
молодые архитекторы

1

2

3

1 Золотой диплом

Загородный дом Л.Б.П
Международный конкурс концепций библиотеки нового столетия в г. Токио
Офисное здание по ул. Кожова в г. Иркутске
Проект интерьера турагентства – Фортуна Турс Трэвел
Реконструкция цеха по ул. Франк-Каменецкого в торговый центр
Автор: Ю. Лифантьева

2 Серебряный диплом

Магазин «Инкогнито» на ул. Киевская
Автор: С. Ставцев

3 Бронзовый диплом

Торгово-развлекательный центр в г. Иркутске
Автор: М. Медведев

студенты

1

2

1 Золотой диплом

Фонтан-скульптура «Парус»
ИрГУ, архитектурный факультет
Автор: Е. Золотухин

2 Серебряный диплом

Офисное здание
Препод. С. Чумаков
Автор: Н. Константинова

3 Бронзовый диплом

Малые архитектурные формы
КрасГАСА, архитектурный факультет
Автор: В. Смирнов

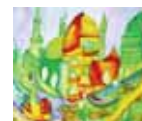
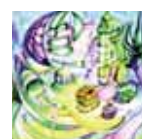
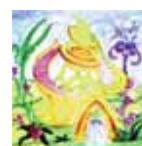
2003 год. ДЕТСКИЕ ШКОЛЫ И СТУДИИ

2

3

1 Золотой диплом

Детской художественной школе № 1, г. Ангарск
Директор Г. Сморода
Препод. О. Пашинина, О. Провилкова, С. Уварова, О. Дягилева, Н. Ступина, Л. Денеко

2 Серебряный диплом

Центру детского творчества архитектуры и дизайна «Пирамида», г. Иркутск
Директор Н. Ремизова
Методист-организатор О. Митюкова
Препод. В. Графова, М. Бойко, Т. Иванова, О. Сероштан, А. Шерешкова, А. Потапова

3 Бронзовый диплом

МОУ Детской школе искусств № 4, г. Ангарск
Препод. Н. Чернецкая

2003 год. ПРОПАГАНДА АРХИТЕКТУРЫ

архитектурно-просветительская деятельность

1 Золотой диплом

За журналы «Строим вместе», «Выбери мебель в Иркутске», «Проект Байкал»
Авторы Т. Анненкова, О. Афанасьева, В. Бух, Х. Дулатова, Е. Трошина

1

2 Серебряный диплом

За фотосессию «Деревянное зодчество Иркутской губернии»
Автор Н. Красная

2

3 Бронзовый диплом

За статьи о ландшафтной архитектуре в журналах «Дом снаружи и внутри» и «Эксклюзив»
Автор О. Смирнова

архитектурно-исследовательская деятельность

1 Золотой диплом

Книга «Земля иркутская, деревянная»
ОПОЛО, Москва, 2004
Авторы: А. Ополовников, Е. Ополовникова

1

2 Серебряный диплом

Книга «Неизвестная провинция», изд. «Едиториал УРСС», Москва, 2004
Автор: С. Попадюк

3

3 Бронзовый диплом

Книги «Градостроительство», «Региональное градостроительство»
Авторы: А. Ашихмин, М. Ашихмина

СОСТАВ ЖЮРИ

Раздел «Постройки»

Председатель	Скокан А.А.	(г. Москва)
Секретарь	Иоффе Т.Ч.	(г. Иркутск)
Члены жюри	Бух В.Ф.	(г. Иркутск)
	Успенская О.М.	(г. Красноярск)
	Красная Н.Н.	(г. Иркутск)
	Алексеев С.Г.	(г. Иркутск)
	Середенкина С.В.	(г. Иркутск)

Раздел «Творчество молодых архитекторов и студентов»

Председатель	Козлов В.В.	(г. Иркутск)
Секретарь	Шерстова Н.В.	(г. Иркутск)
Члены жюри	Куликов Б.И.	(г. Иркутск)
	Дементьева О.А.	(г. Красноярск)
	Демков С.Б.	(г. Иркутск)
	Сидоренко Л.Г.	(г. Ангарск)

Раздел «Проекты»

Председатель	Бавыкин А.Л.	(г. Москва)
Секретарь	Дружинина И.Е.	(г. Иркутск)
Члены жюри	Астраханцева В.В.	(г. Братск)
	Григорьев С.М.	(г. Иркутск)
	Прокудин А.Н.	(г. Иркутск)

Раздел «Детское архитектурно-художественное творчество»

Председатель	Красильников А.Г.	(г. Иркутск)
Секретарь	Ашихмина Е.А.	(г. Иркутск)
Члены жюри	Ашихмина М.Я.	(г. Иркутск)
	Ананьев С.А.	(г. Иркутск)
	Серебряков С.А.	(г. Ангарск)

Раздел «Пропаганда архитектуры»

Председатель	Колесников А.А.	(г. Иркутск)
Секретарь	Лифантьева Ю.	(г. Иркутск)
Члены жюри	Беляков Н.Н.	(г. Иркутск)
	Протасова Е.В.	(г. Иркутск)
	Жуковский Н.Л.	(г. Иркутск)
	Нечитайло В.К.	(г. Иркутск)

Судьба и дело

Юрий Петрович Гнедовский. Вице-президент Международного Союза архитекторов, президент Союза архитекторов России, академик архитектуры, народный архитектор России. Юрий Гнедовский приехал в Иркутск на три дня, чтобы принять участие в заседании Совета Сибирского объединения организаций Союза архитекторов, в церемонии закрытия Межрегионального фестиваля «Зодчество Восточной Сибири-2004» и в отчетно-перевыборном собрании Иркутской организации САР. Юрий Петрович сумел выкроить немного времени в плотном рабочем графике и побеседовать о жизни, работе и проблемах Союза архитекторов России с журналистом Хадичой Дулатовой. Печатается в сокращении. Полный текст интервью опубликован в журнале «Строим вместе» № 4, май 2004 г.

Семья и школа

– **Юрий Петрович, Вы коренной москвич?**

– Нет, я родился в Свердловске, на Урале. Мои родители – сибиряки. Папа родился в Томске, мама в Кургане. Они оба были инженерами-проектировщиками. Папа окончил архитектурный техникум, но высшего архитектурного образования не смог получить из-за социального происхождения. В 30-е годы прошлого века для сына священника доступ в вузы был практически закрыт. Но заочно отец сумел получить инженерное образование. Я стал архитектором под его влиянием. Рисовать начал еще в Свердловске, ходил в студию во Дворце пионеров, который располагался в известном доме Харитоновна.

– **А в Москву как попали?**

– Отца перевели на работу в Москву, и мы жили в бараках, которые строили пленные немцы. Папа поступил в мастерскую Руднева на должность главного конструктора, так у меня началось архитектурное детство. В Московский архитектурный институт я поступил, уже имея представление о будущей профессии. Мастерская Руднева была замечательным учреждением, без всякого казенного духа.

– **Кем Вам приходится архитектор Сергей Викторович Гнедовский?**

– Это мой двоюродный брат. Наши отцы были родными братьями, оба работали на Урале. Недавно в Екатеринбурге издали книгу «Архитекторы Екатеринбурга», в которой я нашел информацию об отце и дяде и впервые узнал, что они построили на Урале.

– **Разве в семейных преданиях ничего об этом не рассказывалось?**

– Отец был неразговорчивым человеком. Помню родителей, дядю молодыми, увлеченными работой. В те годы на Урале шло большое строительство. Но по-настоящему об их жизни, к стыду своему, узнал, когда отца уже не было в живых.

– **В МАРХИ в послевоен-**

ные годы интересно было учиться?

– Очень! В то время там работали легендарные лекторы – классики архитектуры. Молодое поколение тогдашних преподавателей ныне являются классиками. Среди них были Руднев, Мезенцев, Душкин, Синявский, Барщ, Брунов... Душкин был руководителем моей дипломной работы. Знаменитый конструктивист Иван Сергеевич Николаев был ректором МАРХИ. Великолепно читали историю архитектуры. Не хочется сравнивать те времена с нынешними, но мне кажется, что мы что-то потеряли. Причина, на мой взгляд, кроется в том, что фундаментальные знания, профессиональная школа, культура, воспитание наших преподавателей шли с дореволюционных времен. Наши педагоги-архитекторы были очень демократичными и в то же время были аристократами в лучшем смысле этого слова.

– **Ваша супруга тоже архитектор?**

– Нет, она искусствовед. В свое время я «импортировал» ее из Питера. Сейчас это стало модным, благодаря президенту Путину. Супруга – специалист по истории русской архитектуры, работает в Институте искусствознания. Я привез в подарок Иркутской организации Союза архитекторов ее книгу «Русский неоклассицизм», которая недавно вышла из печати.

– **Юрий Петрович, в такой семье Ваша дочь действительно образованным человеком, не так ли?**

– Она действительно широко образованный человек. Меня беспокоит то, что дочка слишком разносторонний человек, обладающий очень хорошими способностями в разных видах деятельности. Она окончила МАРХИ по истории архитектуры, окончила Институт искусствознания, защитила диссертацию. Я надеялся, что из нее выйдет хороший архитектор, а она занялась наукой, живописью, начала шить. Сейчас продает свои модели через ателье.

Шесть лет дочь с мужем, физиком-теоретиком, и двумя сыновьями прожили в Германии. Там им было хорошо, прекрасно зарабатывали, но я вызвал их домой в Москву, хотя моя жена не хотела этого.

– **Полагаю, что Ваш поступок в нынешние времена многим непонятен.**

Вон как российские министры, депутаты, губернаторы стараются пристроить своих детей в Европе и США на постоянное место жительства. Видимо, позтому будущее нашей страны и нашего народа им совершенно безразлично. Сибиряки особенно остро ощущают это на своей шкуре.

– Наши родители никогда бы такого не допустили. В общем, дочку и зятя из Германии я вытащил, потому что в интеллектуальном плане им в России лучше. Зять работает в Институте теоретической физики, там трудятся рафинированные научные кадры.

О работе

– **Юрий Петрович, каким объектом, построенным в советское время, Вы гордитесь больше всего?**

– Горжусь Театром на Таганке. Я получил за него последнюю Государственную премию СССР. Советский Союз уже распался, когда в Доме архитекторов мне вручал ее дважды Герой, писатель Карпов. Проектирование и строительство здания Театра на Таганке было очень интересным, там мне пришлось поработать с режиссером Юрием Любимовым и сценаристом Давидом Боровским.

– **Интересно ли проектировать объекты искусства? Должна ли быть у архитекторов специализация в определенных областях или это неважно?**

– Проектирование крупных общественных зданий – очень интересное дело. Я в то время работал в должности заместителя директора Института зрелищных зданий и спортивных сооружений. Специализация моя произошла, когда я поступил в аспирантуру и мне дали тему ки-

нотеатра. У меня есть ряд книг и разных публикаций по проектированию кинотеатров и театров. Я построил один из первых кинотеатров в Зеленограде, который мне и сейчас нравится. Театр – это место, где ты работаешь с представителями другой творческой профессии. Если это образованный, культурный режиссер, который умеет работать в пространстве, а не ограничивается театрально-финансовой сферой, с таким человеком получается хорошее плодотворное сотрудничество, получается хороший результат. В настоящее время мы построили такой крупный объект, как трехзальный Дом музыки в Москве.

– **Очень красивое здание, я видела публикации о нем в журнале «Проект Россия».**

– Президентом Дома музыки является Спиваков, но он меньше участвовал в строительстве здания и меньше защищал архитекторов. Это очень важно и в нынешние времена, не говоря уже о советских. Когда мы строили Театр на Таганке, властями он воспринимался с неодобрением. Необычное здание было как бельмо на глазу у многих. Как-то был жуткий разнос: нас принуждали срезать все лишнее, по мнению одного из членов Политбюро. Мы не стали менять чертежи, никто ничего не срезал, и здание Театра на Таганке было достроено по проекту. Согласование здания было отдельной историей с кошмарами.

– **Ничего не скажешь, вселенная жизнь была у советских архитекторов. Впрочем, иркутские зодчие и сейчас не скушают: по их словам, у них не жизнь, а сплошная эпопея согласований.**

Общественная деятельность

– **Юрий Петрович, возможно, не совсем тактично задавать Вам такой вопрос, тем не менее, Союз архитекторов в целом важен для зодчих, работающих в современных эконо-**

мических условиях, или нет?

– Я думаю, что престиж Союза архитекторов, как и других творческих союзов, в советские времена был выше. В то время членство в них давало определенные привилегии, союзы поддерживались государством, владели Домами творчества, санаториями и прочим имуществом. Международная деятельность творческих союзов целиком финансировалась государством, все шло по планам Министерства иностранных дел. А когда Советский Союз рухнул, творческие объединения остались без государственной поддержки. Мало того, у новых реформаторов была идея, что все творческие союзы должны себя изжить, поскольку, по их мнению, они являются порождением сталинизма и были созданы для идеологического управления умами и талантами художников, архитекторов и так далее. К сожалению, наши младореформаторы не знают истории собственного отечества. Они даже не подозревают, что Московское архитектурное общество существует в России с 1867 года. Как только в Российской империи начались экономические реформы, связанные с отменой крепостного права и развитием капитализма, в стране начали возникать общественные организации. Среди них появились сильные содружества архитекторов в Москве, Питере, Одессе. Что касается европейских стран, которые развивались стабильно, в них общественные объединения по профессиональному признаку появились еще раньше. В Ирландии организация архитекторов работает с 1839 года, в Англии с 1830 года, Американский институт архитекторов стабильно существует с незапамятных времен. Почему?

Потому что они необходимы для обслуживания профессиональных интересов зодчих, защищают их права, включая оплату труда.

– Получается, что за рубежом объединения архитекторов фактически играют роль профсоюзов, не так ли?

– Вот именно! Они поддерживают все интересы профессии, включая общественную деятельность, публи-

кации, журналы и так далее.

– Почему наши реформаторы решили, что творческие союзы должны умереть, если публично они постоянно ссылаются на зарубежные экономические реалии?

– Видимо потому, что не желают ничего знать об истории общественных отношений, сопутствующих определённому этапу экономического развития. Мне пришлось напрямую сталкиваться со странными проявлениями ограниченности и даже недоброжелательности. Возможно, именно по этой причине дважды не был подписан Закон о творческих работников и творческих союзах, который прошел все слушания в Думе. Вначале его отклонил президент Ельцин, затем президент Путин. За этим Законом всем видятся какие-то привилегии, все хотят подравнять, якобы для того, чтобы у всех были равные возможности. На самом деле это не так. Полагаю, что изменения не замедлят себя ждать уже в ближайшем будущем. На сегодняшнем заседании в Иркутске мы обсуждали положение дел в профессии, в настоящее время готовится законопроект, корректируется закон об архитектурной деятельности, согласно которому государство официально передает определенные полномочия Союзу архитекторов России. Если все это получится, то к концу 2004 года мы будем иметь более влиятельное профессиональное объединение архитекторов. Могут повторить с любой трибуны, что кроме Союза архитекторов интересы зодчих в России не защищает и не продвигает никто. Архитекторы – как творческие личности, которые должны расти и развиваться, никого больше не интересуют.

Я являюсь также вице-президентом Международного союза архитекторов, в который входят 100 стран мира. То есть, все крупнейшие страны объединены в Международном союзе. Все они имеют свои союзы или институты, и там быть членом профессионального объединения – очень серьезное дело. Например, в США только лицензированный архитектор имеет право быть членом

Американского института архитекторов и решать те или иные вопросы. За рубежом тщательно следят за сроками пребывания на выборных должностях, чтобы никто долго не засиделся и не занимался лоббированием своих или чьих-то личных интересов. Права и обязанности руководителя общественной организации у них тщательно оговорены и прописаны. Архитекторы за рубежом ценят свои профессиональные объединения.

– Юрий Петрович, существует ли в развитых государствах такая должность, как главный архитектор города?

– Аналогичная должность существует, но ее функции ограничиваются контролем исполнения законодательства и соблюдения регламентации в области градостроительства и все. Архитектор, занимающий такой пост, ни в коем случае не участвует в творческой жизни и не лоббирует чьих-либо интересов.

– То есть нынешняя диктатура главных архитекторов в некоторых городах и районах – чисто российский продукт?

– Да, это российский продукт, который остался с советских времен. В последние годы мы достигли уровня саморегулирования, независимого ведения дел. В этом смысле главный архитектор является звеном между властью и архитектором. Главная его функция – это создание генплана и его реализация. В России главные архитекторы имеют больше полномочий и возможностей, чем в западных странах.

О предстоящей реорганизации Союза архитекторов

– Юрий Петрович, по чьей инициативе планируется грядущая реорганизация Союза архитекторов России: правительства, бывших кругов, бывшего Гостроя или самого Союза?

– Эта инициатива исходит от Союза архитекторов. В основе реорганизации лежит опыт работы зарубежных общественных объединений зодчих, которые включены в государственное управление в области архитектуры. У них прямо указано, по каким статьям государство переда-

Круглый стол в Доме архитектора

Е.И. Григорьева
Ю.П. Гнедовский
Б.С. Нелюбин

ет свои полномочия общественным институтам. В России государство никак не может привыкнуть к необходимости развивать гражданское общество путем передачи части своих функций общественным объединениям граждан. Сейчас доминирует идея усиления государственной власти, которая была разрушена во времена Бориса Николаевича. Мне кажется, что президент Ельцин в этом отношении оказал России плохую услугу. Сейчас другая крайность: власти стремятся усилить государственные функции и не желают понять, что нужно, прежде всего, создавать элементы гражданского общества, а не только карманные политические партии. Нужны любые гражданские объединения, которые и создают влиятельное общество. А иначе общество представляет собой стихийную толпу, которая может выйти на площадь покричать,

Закрытие фестиваля «Зодчество Восточной Сибири-2004»

но не более того.

– **Понятно, что при нынешнем отсутствии нормально действующих гражданских институтов общественный контроль деятельности российских чиновников и депутатов на всех уровнях практически невозможен.**

– Конечно. Необходимость контроля провозглашается, но реальных инструментов для этого пока нет. Я полагаю, что Союз архитекторов в этом смысле является одним из инструментов общественного контроля.

– **Юрий Петрович, 13 и 14 мая на заседании Совета Сибирского объединения организаций Союза архитекторов обсуждались генеральные планы Иркутска, Ангарска, различные проблемы градостроительства. С Вашей точки зрения, региональные организации Союза архитекторов могут сыграть роль инициаторов разработки генпланов городов и районов или нет?**

– Может ли Союз архитекторов повлиять на возобновление градостроительного проектирования в России?.. Я со всех трибун твержу об этом уже много лет. Даже в момент получения награды я сказал президенту России, что самая большая беда в нашей стране – это прекращение градостроительного проектирования. Два года назад как будто появился некий перелом – Госстрой начал рассылать рекомендации о необходимости разработки и обновления генеральных планов городов. Мы пока не в состоянии принимать окончательные решения в этом направлении, но добиваться этого мы можем и должны.

В России существует Совет главных архитекторов городов и муниципальных образований, который возглавляет главный архитектор Москвы Александр Викторович Кузьмин. Это очень опытный градостроитель, который разработал много законодательных актов для Москвы. Надо отдать должное мэру Юрию Михайловичу Лужкову, который, к счастью для столицы, ни на один день не прекращал бюджетное финансирова-

ние института генерального плана. В Москве эта машина успешно работает, там делается очень много.

Конечно, в Москве также бывают неприятные моменты, когда бизнес продавливает какие-то вещи. Доходило до того, что Лужков дважды пытался остановить стройки и проиграл суды, потому что эти объекты были как-то где-то юридически оформлены. В результате на свет появились здания, против которых протестовали решительно все. Но в целом в столице заметно, что регулирование застройки, создание новых трасс и развязок являются результатом целенаправленной градостроительной деятельности. То есть, каждая площадь, каждый узел, имеющие определенную значимость, рассматриваются при непосредственном участии мэра. Юрий Михайлович создал при мэрии Общественный совет, в работе которого я также принимаю участие. Мы видим прямую заинтересованность мэра Москвы в том, чтобы управлять градостроительным процессом через профессиональных архитекторов.

Об Иркутской организации САР

– **Юрий Петрович, Вы постоянно ездите по стране, бываете в региональных организациях Союза, смотрите, как они развиваются, какие мероприятия проводят и т.д. Как вы оцениваете деятельность Иркутской организации Союза архитекторов?**

– В последние годы Иркутская организация стала очень заметна в Российском союзе архитекторов. На мой взгляд, очень многое зависит от личности лидера. В этом смысле председатель Иркутской организации Елена Ивановна Григорьева просто молодец. В Москве мы беседовали с ней о будущем Союза архитекторов России и прочем. Елена Ивановна сказала фразу, которая мне очень понравилась: «Для того чтобы работать в Союзе, надо немножко жертвовать собой, своими личными интересами». Это абсолютно точно. Могу подтвердить по своему жизненному опыту. Общест-

венная работа требует очень много времени и сил. Везде, где можем, мы стараемся оказать помощь и поддержку.

Результаты нынешнего Межрегионального фестиваля «Зодчество Восточной Сибири» стали еще одним подтверждением того, что Иркутская организация Союза архитекторов на сегодня является одной из лучших в стране. Дай бог, чтобы так было и дальше. Дай бог, чтобы на территорию Иркутска пришли финансы, потому что объемы и масштабы строительства здесь отстают от других городов. Невозможно слышать о том, что люди уезжают из города и области. Это обескровливает территории, которые когда-то осваивались Россией. Это очень тревожный факт. Чтобы заселить азиатские земли Российской империи, при царе-батюшке создавали самые благоприятные условия: выдавали подъемные, обеспечивали различные льготы, бесплатно давали домашний скот. Разве можно сегодня все это не учитывать? Государство должно собирать ресурсы и направлять их в те сферы, в те области, которые нужно поддержать, дать толчок к их развитию. Я думаю, что нынче действует временная, близорукая политика выравнивания. Принцип «Пусть каждый выживает как хочет» в корне неправильный.

– **Юрий Петрович, успели ли Вы осмотреть фестивальную экспозицию? Что Вы думаете о представленных проектах и постройках?**

– Могу сказать, что количество и качество архитектуры улучшается. Самое важное заключается в том, чтобы региональные фестивали, любые профессиональные конкурсы стимулировали активность архитекторов, работающих в крае. Я уверен, что завтра будет еще больше работ, будет больше интересных материалов, больше возможностей. Архитекторам нужно продержаться еще немного, потому что в страну на самом деле пришел строительный бум. Накануне последних правительственных реформ у вице-преьера Яковлева было заседание,

на котором он сообщил, что для правительства готовится доклад об удвоении объемов жилищного строительства в ближайшие годы. Потом было специальное совещание со строителями, на котором выясняли, кто какими возможностями обладает, сколько сможет сделать в следующем году и т.д. Очевидно, в правительственных кругах есть уверенность в потенциальных инвестициях. Стабильность в стране, вероятно, все-таки приведет к тому, что финансы начнут возвращаться в Россию. И тогда у нас будет работа и радость от ее результатов.

– **Будет ли Союз архитекторов России совершено изменить правовое поле деятельности архитекторов, чтобы исключить даже потенциальную возможность таких конфликтов, которые произошли в Иркутске с главным архитектором города, приведшим к исключению последнего за несоблюдение Кодекса профессиональной этики. Будет ли Союз архитекторов добиваться того, чтобы чиновники и другие члены Союза, уличенные в неблагоприятных поступках, исключались из Союза и снимались со своих должностей?**

– Я полагаю, что, как только вступит в действие новый закон об архитектурной деятельности, человек, не являющийся членом Союза архитекторов, не сможет занимать должность главного архитектора города. Например, в Нижнем Новгороде недавно было принято новое положение, в соответствии с которым назначение или увольнение главного архитектора города осуществляется только по согласованию с Союзом архитекторов и под его визой. Это замечательно, что нижегородские власти приняли такое решение. Я думаю, что Иркутск в этом плане не станет исключением. Конфликт с главным архитектором города должен быть решен в пользу большинства, то есть в пользу Союза. Надо полагать, что у главного архитектора Москвы Кузьмина намного больше искушений, чем у Третьякова в Иркутске. Можете себе

представить, какие гигантские силы пытаются воздействовать на него со всех сторон. Тем не менее, по отношению к коллегам-архитекторам Кузьмин держится абсолютно демократично.

– **И не указывает им, как правильно, с его точки зрения, рисовать фасады, каким образом поправить балконы и окна?..**

– Это абсолютно исключено! На градостроительных советах обсуждаются общие вопросы вписывания объектов в среду и другие задачи. Вмешательство в творческую работу авторов проектов абсолютно не допускается.

– **У нас в Иркутске сложилась парадоксальная ситуация: в одной из местных газет в прошлом году вышла рекламная полоса с проектом строящегося жилого дома на бульваре Гагарина, одним из самых престижных мест областного центра. Текст рекламы гласил, что авторами проекта являются лучшие архитекторы города, и начинался список с имени заместителя главного архитектора города Н.Н. Белякова.**

– За границей такая ситуация вообще исключается. Там люди дают подписку о том, что в течение срока службы на государственной или муниципальной должности они не могут заниматься определенным перечнем работ. Я думаю, что мы в скором будущем также придем к этому.

– **Юрий Петрович, Вы с оптимизмом смотрите в архитектурное будущее России?**

– А как же иначе? Я вообще с оптимизмом смотрю в будущее нашей страны, в том числе и в архитектурное будущее. Трудные времена переживем. Науку стали лучше финансировать, выделять средства на оборудование и исследования. XXI век – век интеллектуалов. Вся промышленность будет переориентироваться на наукоемкие технологии. Следовательно, наука и культура будут занимать все более значимое положение в России, а значит, и оплачиваться будут лучше. Это объективно!

Александр Скокан: строки из биографии

Александр Андреевич Скокан.
Директор архитектурного бюро «Остоженка».
Член-корреспондент Российской Академии архитектуры и строительных наук, член-корреспондент Международной Академии архитектуры.
Родился в Москве. Окончил МАРХИ.

Фамилию Скокан я услышала задолго до того, как увидела и познакомилась с ее носителем. Добрый друг нашего журнала и постоянный ньюсмейкер иркутской архитектурной общности Елена Григорьева радостно сообщила нам, что ей удалось получить согласие самого Александра Скокана приехать на Межрегиональный фестиваль «Зодчество Восточной Сибири-2004». Мне это имя пока ничего не говорило, оставалось только дожидаться мая месяца, чтобы увидеть столичного архитектора. И он приехал: худощавый, немного нескладный, слегка сутулится в длинном пальто неопределенного цвета. Узкое смуглое лицо с высокими скулами несет на себе печать каких-то восточных кровей. Неторопливость в движениях подчеркивается курением дорогой трубки с элегантным запахом хорошего табака. Смуглость, глуховатый голос, легкая картавость и перманентная трубка в уголке рта наводят на ассоциации, по крайней мере, с двумя выдающимися личностями советской эпохи: Иосифом Сталиным и Константином Симоновым. Всем своим поведением Скокан устанавливает дистанцию между собой и собеседником, при попытке переступить ее встречает сопротивление.

Не без труда добиваюсь согласия дать интервью для регионального журнала, в процессе которого удалось узнать, что фамилия Скокан имеет словацкие корни. Прадед Александра Скокана в середине 19 века переселился из Словакии на только что завоеванные среднеазиатские земли Российской империи в районе Ашхабада. В те годы Россия активно колонизировала новые территории, приглашая на них людей из перенаселенной Европы и европейской части империи, предлагая брать им столько земли, сколько сумеешь обработать. Вероятно, прадед нашего героя по отцовской линии был в числе таких мигрантов. Дед перебрался в Томск, где окончил университет и женился. В 20-х годах

семья Скоканов поселилась в Москве.

Связь семейной фамилии с архитектурой началась с известного зодчего Петра Ивановича Скокана, дяди Александра Андреевича. С ноткой гордости мэтр говорит, что его дядя был очень интересным человеком, учеником Жолтовского, и что именно он благословил профессиональную ориентацию племянника. Вообще, в процессе общения с разными архитекторами я заметила, что большинство из них благодарные люди по отношению к своим учителям. При случае всегда отмечают их роль в своей судьбе, гордятся тем, что были учениками талантливых мастеров. Александр Андреевич поделился тем, что первый опыт работы в архитектуре случился у него в школьные годы, когда в мастерской Жолтовского ему доверили что-то стереть ластиком с огромных досок с отмытыми фасадами. Юный неопыт так старался, что стер намного больше, чем следовало. К счастью, его успели вовремя остановить.

Неясно, кружок лепки во Дворце пионеров или известная в архитектурных кругах фамилия Скокан позволили Александру легко поступить в суперпопулярный в 60-х годах МАРХИ. Пристрастия студентов архитектурного института в те годы делились между ренессансной личностью Корбюзье и суховато прагматичным Мис Ван Де Роз, информация о которых была скудной и добывалась сложными путями. Зарубежные отраслевые журналы были редки, и тот, кто имел к ним доступ, ощущал себя элитарной личностью. После обсуждения студента и различий студенческой жизни и трудовой деятельности начинающих архитекторов в 60-е и нынешние годы, переходим к выяснению жизненных путей и профессиональной деятельности Скокана в постреформенный период.

— Вам сложно было адаптироваться к новым экономическим условиям,

возникшим в начале 90-х годов, когда началась частная предпринимательская деятельность и появилась творческая свобода для архитекторов?

— Видите ли, моя профессиональная биография довольно специфична. Три года, как и положено после института, я отработал по распределению в Моспроекте. У меня были хорошие руководители, но работа там была для меня скучна и неинтересна. Тогда я ушел в аспирантуру, где настолько замечательно провел три года, что не написал из-за этого диссертацию. Два года после аспирантуры я проработал в Центральном научно-исследовательском институте истории и теории архитектуры и оттуда перешел в Институт генплана.

В Москве жил замечательный человек — Алексей Эльбрусевич Гутнов, доктор архитектуры, руководитель отдела перспективных исследований НИИПИ Генплана г. Москвы. Он в то время являлся, можно сказать, точкой кристаллизации профессионального архитектурного общества. Гутнов умер молодым больше десяти лет назад, но очень много людей гордятся тем, что были его друзьями или соратниками либо в разное время общались с ним по тем или иным поводам. Для тех, кто знает и понимает, какая это была фигура, любая причастность к его имени является своего рода отличительной меткой, признаком принадлежности к правильной среде. С Гутновым я проработал в институте генплана больше 10 лет. Мы занимались разными вопросами перспективного развития Москвы, строили гипотетические модели, новые варианты генерального плана и т.д. Это была абсолютно теоретическая работа.

Видимо, мне повезло в том, что до конца 80-х годов я не занимался практическим проектированием, поэтому моя голова оказалась свободной от всяких штампов и стереотипов, сохранились неистраченные силы.

— Александр Андреевич,

Вы хотите сказать, что к реальному проектированию зданий вы приступили в 45 лет и занимаетесь этим всего 15 лет?

— Да. Счастливые стечные обстоятельств помогло мне включиться в этот процесс, когда в стране начался хаос и начала разрушаться система проектных институтов. Это немного поздно, так как я считаю, что пик активности архитекторов наступает где-то между 40 и 50 годами. Вообще, архитектура — это профессия, в которой молодые люди очень редко становятся действительно интересными зодчими. Это профессия взрослых людей, так как помимо специальных навыков и умений она требует достаточно много житейских знаний, которые приобретаются только с возрастом. Других способов нет.

— Это можно сравнить с вином, в котором чем больше выдержка, тем выше качество?

— Не думаю. Здесь требуется не пассивное лежание на боку, а сумма знаний, профессиональных навыков и житейского опыта. К 40-50 годам люди накапливают информационный и профессиональный багаж, многое слышали, видели своими глазами, что-то потрогали, почувствовали своими руками и т.д. Вот что важно и нужно.

— Может ли архитектор, глядя на парадигму своих работ, сказать: «Вот это я очень люблю, а это так себе, ширпотреб ради денег». Или для Вас каждая работа дорога и любима?

— Полагаю, что каждая работа вызывает у автора ощущение, что она правильная и любимая. А самая главная работа ждет где-то впереди. Все зависит от самооценки. Я достаточно самокритичен, поэтому во всех своих работах вижу массу всяких недостатков. Надеюсь, что когда-нибудь удастся сделать объект, к которому у меня самого будет меньше претензий.

(Тут я завожу тему психологической устойчивости творческих личностей и важности внутренней уверенности)

ти в своем деле. Скокан, коротко хохотнув и путив струйку дыма из любимой трубки, заверил меня, что психика у него достаточно устойчивая и я могу не переживать за него. Посмеялись... Замечают, что иркутские архитекторы недовольно поглядывают на меня из-за того, что я узурпировала внимание столичной знаменитости, а у них и своих вопросов достаточно, жаждают обсудить цеховые вопросы и презентацию работ мэтра. Но работа есть работа, и я продолжаю пытаться Скокана. – автор)

– Александр Андреевич, по каким критериям Вы отбираете кадры для своего архитектурного бюро: ищите покорных и послушных?

– Нет. Мне нравится работать с людьми, с которыми устанавливается какой-то диалог. Если я буду навязывать собственное решение и видеть в нем единственно правильный путь, то оно будет как испорченный телефон: чем дальше от тебя, тем хуже будет транслироваться. Мне кажется, что продуктивная схема работы – это диалог. Когда ты говоришь «А», партнер говорит тебе «Б», а твоя следующая мысль-фрета учитывает первоначальный посыл и его ответную реакцию. Затем ты посылаешь следующий импульс, и так далее. К сожалению, диалог не всегда получается, тогда нужно как бы протаскивать, навязывать свою идею. Но я стараюсь подбирать таких людей, с которыми может получиться плодотворный диалог.

– Вчера Вы показывали работы Вашего архитектурного бюро. На фоне многих пышных зданий со сложной детализацией Ваши постройки выглядят очень сдержанными, почти аскетичными. С Вашей точки зрения, архитектору не должна выпячиваться, поражать воображение обывателей сложностью формы и обилием деталей?

– Я бы назвал наши объекты не сдержанными, а адекватными. Определенные ситуации как бы бросают вызов, ставят вопрос, и ответ, на мой взгляд, должен быть адекватен этой

ситуации. Мне кажется, что наша архитектура адекватна заданной ситуации. Есть некий контекст, в котором происходят те или иные события, и есть авторское прочтение этого контекста, в соответствии с которым идет ранжирование приоритетов. Ответ автора может зависеть от настроения, погоды и даже вечернего фильма по телевизору.

– У Вас большой опыт работы в Институте генплана. Вам было бы интересно спроектировать целый город, как тот же Корбузье создал столицу Бразилии?

– Нет, эта тема уже ушла, она не актуальна. Закончилось время, когда считалось, что ты можешь запрограммировать развитие каких-то больших сложных территорий. 20-30 лет назад жизненные законы в нашей стране были достаточно просты и понятны. Они были нормативны и директивны. Мы знали, что предписано и что должно быть. В нынешних экономических условиях ситуация гораздо менее предсказуема, поэтому мы не можем жестко и однозначно навязывать какие-то формы. Скорее, нам действительно нужно создавать какие-то правила игры. Причем, игра должна происходить свободно, но по четко разработанным правилам. Если она называется футбол, то руками в нее не играть, если это шахматы, то по шахматным правилам, если шашки, то не поддавки и т.д.

– Бывали ли Вы в Иркутске раньше? Что успели посмотреть за эти полтора дня? Ваши впечатления от столицы Прибайкалья?

– В Иркутск я приехал впервые. Нас повозили по городу. Сегодня мы были в усадьбе Волконских. Мне очень понравилась и сама усадьба, и обстановка вокруг нее. Замечательно то, что там с помощью лошадей лечат больных детей.

– Иппотерапия.

– Да-да. Не люблю слово «аура», но она вокруг этого места какая-то хорошая. Но в общем Иркутск находится в плохой стадии своего развития, как и большинство российских городов. Есть города в еще худшем состоянии, например, Казань, где

я был в прошлом году.

– В еще худшем? Мне казалось, что в Казани очень много вкладывается денег в строительство и благоустройство.

– Очевидно, что денег там больше, чем здесь. Но в Казани дикая разруха, вся историческая застройка сносится. Если у вас в Иркутске она условно разваливается, то там сносится с особым цинизмом.

– Кварталами, что ли?

– Именно кварталами.

– Вы не приветствуете такого подхода? Разве отжившее должно мешать нынешним и будущим поколениям?

– Нет. Во-первых, если ты архитектор, это не значит, что ты не являешься одновременно горожанином, обывателем, гражданином Москвы или другого города. Например, какие-то из моих профессиональных интересов входят в конфликт с моими представлениями как москвича. Не все то, что я делаю в силу профессиональной необходимости, нравится мне самому как обывателю.

– Вопросы, связанные с сохранением культурного наследия и древних захоронений, актуальны для Иркутска. Наш город находится на месте неолитических поселений. По мнению многих строителей, заказчиков и архитекторов, областная структура по сохранению памятников просто зверствует.

– Есть определенные правила, которых всего лишь надо придерживаться. Если новая застройка находится на месте какого-то ценного археологического слоя, значит перед началом строительных работ это место должны осмотреть археологи, зафиксировать все находки, прежде чем туда придет экскаватор с ковшом. В вашем городе археологи, видимо, знают, где какая толщина культурного слоя и где можно ожидать какие-то ценные открытия. Другое дело, что соблюдение всех процедур, прописанных в законодательстве, не удешевляет строительство. Поэтому застройщики, инвесторы и строители не приветствуют охраняемые процедуры и пытаются правдами-неправдами из-

бавиться от них.

– Чаще всего, по словам строителей и владельцев земельных участков, все это выливается в некую контрибуцию, за которой не следует больше ничего.

– А что вы хотите? В Москве наши заказчики также пытаются от этого избавиться. Цены известны.

– Как Вы оцениваете проекты и постройки, представленные на фестивале «Зодчество Восточной Сибири-2004»?

– Мне кажется, как в Москве, так и во многих городах, качество архитектурной мысли превышает качество строительства. В Москве, может быть, в меньшей степени, в других городах резче проявляется диссонанс между интересной архитектурной мыслью и ее воплощением в натуре. В хороших условиях архитектурная мысль в результате строительства обогащается, приобретает особую глубину за счет высококачественных материалов, отделочных работ и т.д. Здесь же, наоборот, происходит обеднение. А это ставит архитектора в ложную ситуацию. Если строительство ведется правильно, если работают настоящие профессионалы, то архитектор может использовать более простые решения, зная, что в процессе реализации они обогатятся фактурой, цветом, блеском, качеством и т.д. Условно говоря, проект может выглядеть беднее, чем постройка. В России же архитекторы знают, что строительство только обеднит, испортит их идеи, поэтому они вынуждены уделять внимание пластике больше, чем это требуется на самом деле. Я не могу упрекать их в этом, потому что понимаю, отчего это происходит. Зодчие пытаются сохранить архитектурную мысль. В определенных условиях, когда вы уверены, что вас не услышат, вы должны повышать голос, форсировать звук, кричать. В этом случае ваш голос звучит совсем не так, как вам бы хотелось. Если же вы уверены в том, что вас слышат, можете говорить ровным, спокойным голосом.

– Александр Андреевич, показывая отдель-

ные объекты, Вы говорили, что довольны ими, потому что их построили итальянцы. А русские в Москве что-нибудь строят вообще?

– Строят. В Москве строители научились вполне качественно делать отдельные виды работ. Особенно это касается монолитного железобетона, который они делают не хуже итальянцев. Но все, что касается отделочных работ, одежды здания, это – увьи! Если на этих объектах не использованы какие-нибудь западные отделочные технологии, то здания выглядят так же плачевно, как и у вас.

Что касается итальянцев... У них совершенно другой подход к строительству. Для них синьор архитектор – это главное лицо на стройке. На западе архитектор наделен большими полномочиями. Он там более ответственная фигура, чем в России, в том числе и материально. К сожалению, в нашей стране ответственность у архитектора куцая. Поэтому мы в любой момент можем капризно сказать: «Я тут вот так нарисовал, а они вон как построили!» И все понимают. На западе такого быть не может. Архитектор там за свою работу получает намного больше, чем в России, но он облечен большими полномочиями и ответственностью.

– Вы являетесь членом-корреспондентом РААСН, членом-корреспондентом Международной Академии архитектуры. Как вы думаете, Союз архитекторов России и Российская Академия архитектуры и строительных наук сумеют рано или поздно нормализовать профессиональное поле деятельности архитекторов, внедрив в нем международные стандарты?

– Мы работаем в этом направлении, но слишком много проблем, которые трудно разрешить в короткие сроки.

Хадича Дулатова

Веселый человек - веселая архитектура

Мастер-класс А. Бавыкина

Межрегиональный архитектурный фестиваль «Зодчество Восточной Сибири-2004» порадовал своих участников возможностью побывать на мастер-классах известных московских архитекторов Александра Скокана и Алексея Бавыкина. Столичные гости провели блестящую презентацию своих работ, поделились мнением о современной архитектуре, а также поразили полярностью поведения. Суховато-сдержанный, экономный в речах и движениях Александр Скокан выглядел прямой противоположностью Алексею Бавыкину, открытому, веселому гедонисту с любовно-насмешливо-циничным взглядом на окружающий мир. Мне захотелось познакомиться с читателями журнала «Проект Байкал» с вице-президентом Союза архитекторов России, советником РААСН Алексеем Львовичем Бавыкиным.

– **Алексей Львович, что привело Вас в архитектурный институт?**

– Это интересная история. Я родился в Москве в 1955 году, активно занимался спортом и вовсе не собирался стать архитектором. У меня была неплохая спортивная карьера, первые разряды по горным и водным лыжам. Но потом по здоровью меня списали из спорта, и тут отец (он был скульптором) говорит: «Пойдем в архитектурный институт. Может, из тебя что-нибудь получится». Отец видел, что между делом я неплохо рисовал. Так в 1974 году я поступил в МАРХИ и не жалею об этом. В 1980 году окончил инсти-

тут, до 1988 года работал в «Моспроект-2», а с 1988 года занялся частной практикой. Моя жена – архитектор, дочь учится на архитектора.

– **Вы показывали ретроспективу своих работ, а иркутские коллеги сказали, что Ваше имя известно в связи с бумажной архитектурой. Не могли бы рассказать об этом феномене? В чем заключалась суть бумажной архитектуры и как Вы в ней оказались?**

– Сейчас в журнале «Проект Классика» публикуется целая серия воспоминаний моих сверстников и ребят на пять-семь лет старше нас, которые к этой проблеме имели непосредственное отношение. У всех разные точки зрения, и я выскажу свою. Суть вопроса в следующем. После окончания института все мы попали в какие-то проектные организации, где рабочий процесс никому не приносил удовлетворения. Мне еще повезло: я работал на стройке Павелецкого вокзала, доводил узлы-детали, делал что-то по интерьерам. Это была живая работа, а многие молодые архитекторы сидели в кабинетах и картинку рисовали.

Конкурсный бум начался еще в 60-е годы. Тогда Платонов получил премию в Париже в конкурсе на «Плато Бабур», потом был Кирпичев, потом была группа Лежавы, Хазанов, Арзамасова. В самом конце 70-х – начале 80-х годов открылась линия концептуальных японских конкурсов. Естественно, мы все были молодые, у нас было время, было желание... Не все же время водку пить! И мы с огромным удовольствием кинулись в эти конкурсы, потому что Союз архитекторов разрешил нам отсылать работы в Японию. Причем не просто разрешил, а помогал централизованно пересылать наши проекты. Надо отметить, что цензуры практически никакой не было.

Наиболее удачливыми в этих конкурсах были Миша

Белов, Бродский с Уткиным, Филиппов с Бронзовой, Зайцев, Баталов, Подъяпольский, Буш и многие другие. Они получили по несколько премий. У Миши Белова очень много премий. Я отличился только один раз, приняв участие во всемирном конкурсе «Стиль 2001 года». В нем участвовали не только молодые ребята, но и ведущие архитекторы мира. В этом конкурсе мне присудили одну из вторых премий. Был очень рад и доволен тем, что получил грамоту за подписью Альдо Росси и нескольких ведущих японских архитекторов. Для меня, молодого парня, это было большим подарком.

– **С какой целью японцы проводили эти конкурсы? Была ли у них какая-то корысть?**

– Корысть? Я так отвечаю. Для японцев и молодых западных архитекторов это был способ устроиться на хорошую работу. Они получали определенную известность, их приглашали на работу известные фирмы. Поэтому западные коллеги больше одного-двух раз в конкурсы не играли. А для нас, советских архитекторов, это была забава без особой практической выгоды. Правда, некоторые получали премии в несколько тысяч долларов – по тем временам сумасшедшие деньги, на которые можно было прожить год-два.

– **А эти деньги реально выплачивали архитекторам, или государство по «доброй» советской традиции изымало их в свою пользу?**

– Реально выплачивали. Хотя, как это ни парадоксально, я за свою вторую премию не получил ни копейки, потому что деньги разошлись на тех, кто завоевал первые места. Впрочем, это не суть важно. Когда кто-то говорит, что японские конкурсы были для участников средством зарабатывания денег – это цинизм, потому что в Худфонде архитекторы могли заработать больше денег.

Сейчас ситуация меняется, архитекторы, которые у дел, нормально зарабатывают. А японские конкурсы были очень интересными. Это был настоящий феномен культурного порядка. Правда, к практике как таковой эти конкурсы имели весьма отдаленное отношение.

– **Были ли для Вас психологическим шоком переход от работы в государственном проектно-институте со всей его административной машиной и ощущением социальной защищенности к частной архитектурной практике? Или для Вас это был естественный процесс?**

– Не скажу, что это было просто, но я довольно решительно и навсегда сделал этот шаг. К тому же, вернуться уже некуда, государственных проектных организаций больше нет. И пусть на многих проектных институтах еще висят названия со словом «государственный», все прекрасно понимают, что они на самом деле таковыми не являются.

– **Алексей Львович, каким образом Вы формируете свою команду? Как подбираете партнеров по бизнесу? Исповедуете ли Вы в статусе директора архитектурной фирмы принцип: «Я начальник – ты дурак»?**

– У меня были разные варианты. Был коллектив более или менее равноправных людей с выборным директором, который занимался финансами. Был вариант, когда я занимал пост вице-президента компании в фирме «ABD» с Борисом Левантом. Сейчас я директор ООО «Мастерская архитектора Бавыкина». Но это формы, имеющие отношение не к смыслу работы, а, скорее, к финансам. В любой фирме должен быть человек, несущий ответственность за творческую, производственную и финансовую стороны одновременно.

– **Насколько стабильны коллективы частных архитектурных бюро? Можете**

ли Вы в любой момент уволить сотрудника, сделавшего, по Вашему мнению, что-нибудь не так?

– Я увольнял людей, но это были курьеры, инженеры, которые не очень добросовестно вели себя. А с архитекторами?.. От меня уходили люди, и я уходил от кого-то. Все это было по серьезным договоренностям и без скандалов.

Наша мастерская выполняет все работы – от идеи до разработки всех рабочих чертежей. Я активно участвую в этом процессе. У меня есть друг и партнер, Михаил Максимович Марек, с которым мы знакомы годков 30, а работаете вместе пять лет. Михаил Максимович в большей степени занимается проблемами рабочей документации и авторским надзором, я занимаюсь архитектурными вопросами и, к сожалению, финансами. Практически все члены коллектива в той или иной степени принимают участие во всех стадиях проектирования.

– Каким образом получается архитектурный проект? Ваша вчерашняя лекция началась с демонстрации парных башен церкви Пьяцца Ди Пополо в Риме и продолжения этой темы в Ваших работах. Вы так легко и просто показали, что источниками Ваших архитектурных идей являются работы итальянских зодчих эпохи Ренессанса, что одним махом обезоружили архитектурных критиков. Всегда ли архитекторы испытывают влияние своих предшественников?

– Кто не испытывает влияния, тот просто некультурный человек! Даже инженер должен испытывать влияние выдающихся изобретателей прошлых времен. Инженер, не знающий работ конструкторов Эйфеля, Джеферсона, Эдисона и других, – это плохой инженер. Мы ведь все стоим в родовой, национальной и культурной цепочках. Нормальный человек ощущает себя не более чем звеном в гигантской цепи, которая идет в обе стороны до бесконечности. И когда в лекции я привожу какие-то сравнения, это моя личная точка зрения. Критики могут со мной поспорить, я с удовольствием готов обсуждать эту тему с кем угодно, но не в жанре: «Ты

совершил ошибку, Леша!» Ошибкой будет, если я сделаю некрасивый, безобразный, неграмотный проект, и все это увидят.

– Но ведь критерии красоты и безобразности довольно относительно?

– Нет, они абсолютно объективны. Я всегда спорю со всеми о том, что красивое всегда красиво, а некрасивое всегда некрасиво. Каждый нормальный человек чувствует это. Все зависит от уровня образованности, информированности, культурности, интеллигентности и прочих факторов. Конечно, бывают люди, от природы лишённые вкуса и чувства красоты. Но это несчастные люди. Если они умные – то тщательно скрывают свои недостатки, если дураки – то выпячивают свой недуг. Но это не имеет какого-то серьезного влияния на процессы формотворчества, зарождения стилей и прочее.

– Чем объяснить обилие в Вашей лекции реминисценций с архитектурой эпохи итальянского Возрождения? Это время близко Вам по духу?

– В лекции много аналогий и с историей русской культуры и архитектуры. Европейский Ренессанс характерен тем, что в это время человечество попыталось более широко и гуманно посмотреть на все, что происходит вокруг него. Период перехода к Гуманизму очень важен повышением статуса человека. Этот отрезок времени в истории потому и получил название «Ренессанс», что способствовал возрождению человека как свободной и самостоятельно мыслящей личности. Я показывал в лекции картины Джотто, потому что люблю этого художника. Но это не искусствоведческие апелляции, а скорее зрительный ряд, подкрепляющий мои мысли и помогающий аудитории быстрее понять меня.

– Алексей Львович, когда Александр Асадов проводил в Иркутске презентацию своих построек, было видно, что он много внимания уделяет не только внешнему облику зданий, но и внутренним интерьерам. А Вы почти игнорируете интерьеры и фиксируете на внешнем виде своих построек. Начинка зда-

ния не важна для Вас?

– Я сделал достаточное количество интерьеров в своей жизни, но в соответствии с функциями зданий, они не имели существенного значения. В моей практике практически не было крупных общественных зданий. Торгово-промышленная палата с огромным атриумом – это практически первый опыт разработки общественно значимого интерьера. А какой может быть интерьер в офисе? Я не считаю эту работу какой-то сверхзадачей. Там все понятно и определяется наличием денег. У нас появляются какие-то изысканные вещи, их можно увидеть в журналах. Я в основном занимаюсь большими жилыми домами, их у меня очень много. Входная зона в них сделана прилично, но я не хочу никому показывать интерьеры жилых домов, потому что это, с моей точки зрения, не является предметом дискуссии.

– То есть в современных жилых домах архитектору достаточно сделать удобную планировку и все?

– Ну конечно! А у Александра Рафаиловича Асадова есть опыт создания интересных внутренних пространств. У Александра Андреевича Скокана замечательные интерьеры банка. Во многих других его сооружениях интерьеры не несут большой нагрузки. Они хорошие, добротные, там все в порядке, но гордиться техническим воплощением тех или иных элементов интерьера, с моей точки зрения, глупо!

– Насколько важно для архитектора знание строительных технологий и материалов?

– Чем больше знаешь, тем лучше!

– Каким образом Вы изучаете новинки? Где черпаете информацию?

– Поставщики строительных материалов бесплатно присылают в нашу фирму огромное количество новейших специализированных журналов. Их просматривают все наши сотрудники. К нам регулярно приходят дилеры и приносят образцы. Подбор материалов, решение узлов и деталей, столярка, полы, потолки, окна, двери, фасад чрезвычайно важны для архитекторов. Все это приобретает особенное значение в

Лекция в Доме архитектора

наши дни, потому что мы переходим к этапу, когда архитектура должна быть максимально качественной. Сейчас неубедительно звучат разговоры на тему, что тот или иной архитектор нарисовал красивую вещь, а пришли строители и все испоганили. Извините меня, но в 2004 году это уже не актуально нигде!

– Каким образом архитектор может бороться с небрежностью строителей? У него же нет возможности наказать их за брак, отстранить от работы и т.д.

– Если у архитектора плохие отношения с заказчиком, который может нагнуть своих строителей, или с инвестором, то ему лучше не заниматься зодчеством. Настоящий архитектор – это человек, который умеет общаться и с заказчиком, и с инвестором, и с их помощью давать подрядчика. Если его вообще надо давить?! Убеждение, что с подрядчиком надо воевать – это совковый миф. Каждый участник строительного процесса должен профессионально делать свое

Праздничный фуршет

ВЫСТАВКА

дело и все. Если архитектор недоволен работой строителей, он может сказать заказчику и инвестору, что это не подрядчик, а черт знает что, и его надо гнать взащей. На мой взгляд, в 2004 году есть все рычаги и все возможности убеждать людей в том, что в результате небрежного отношения к работе они проигрывают конкурентную борьбу. Построив плохой дом, проиграют и инвестор, и заказчик. Но больше всего проигрывает строитель, который не получит следующий заказ, или дальнейшие заказы будут носить униженный характер, например, пошлой сараи строить. В ближайшие годы все встанет на свои места и в Москве, и в Иркутске, и везде. Когда архитектор начинает жаловаться и списывать свои неудачи на плохих заказчиков и плохих подрядчиков, возникает ощущение, что он сам как профессионал не очень хорош. Это уже избитая тема.

– Алексей Львович, Вы являетесь вице-президентом Союза архитекторов России. Обладает ли Союз какими-нибудь рычагами влияния на упорядочивание архитектурной деятельности и может ли он сделать архитекторов менее зависимыми от чиновничьего произвола?

– Опять же про чиновничий произвол... Чиновничий произвол – это популярный русский миф. А кто разрешает чиновнику творить произвол?!

– Ну и кто?

– Очевидно, те, кто вокруг этого чиновника живут. Словами «чиновничий произвол» многие пытаются прикрыть свое пьянство, разгильдяйство, безделье т.д. Все можно списать на чиновничий произвол, но эта тема уже наскучила всем. Конечно, есть произвол! И есть чиновничий произвол! Но если ты вообще полез в эту профессию, если ты понимаешь, что такое архитектор, и если ты с этими людьми не можешь найти общего языка, поставить их на место или предложить им что-то такое, от чего они не смогут отказаться, займись другим ремеслом!

– Что предложить? Дать

хорошую взятку, чтобы чиновник не смог от нее отказаться и разрешил строительство?..

– Сама по себе взятка никаких вопросов не решает. Вообще взятки – это еще одна любимая русская тема, как будто их нет на Западе! Как будто их нигде, кроме как в России, нет! За рубежом просто другой размер взятки. Там люди за хорошее дело берут не \$300, а \$30 000. А за очень хорошее дело берут десятки миллионов долларов. Вот и все! Вы же понимаете, что это детская тема?!

– Детская? А почему же тогда архитекторы стонут от этой «детской» темы из-за невозможности заниматься профессиональной деятельностью в своих городах?

– А я занимаюсь профессиональной деятельностью в своем городе! Хороший ответ? А за других людей я не могу отвечать и не собираюсь решать проблемы всех. Сейчас мы в Союзе архитекторов обсуждаем все эти моменты и говорим, что Союз должен стать структурой, которая будет активно и продуктивно участвовать в решении конфликтных вопросов. Что Союз должен изменить свой статус творческой организации и стать структурой, защищающей интересы тех архитекторов, которые профессионально занимаются своим ремеслом, а также бороться с теми архитекторами, которые входят в конфликт с архитектурным сообществом. Союз должен стать органом, который поможет архитекторам консолидироваться и сплоченно, грамотно, профессионально решать свои оборонительные, наступательные и прочие задачи.

– Алексей Львович, зачем в таком случае работают международные комиссии, которые стремятся унифицировать правовую базу архитектурной деятельности в странах, входящих в состав Международного Союза архитекторов? Зачем продвигают архитекторы пытаются подтянуть российское законодательство к международным нормам и просветить нас, несчастных, гибнущих от тоски и уныния на гигантских

пространствах правового беспредела, если, по Вашим словам, у нас все как везде? Или Вам, успешному московскому зодчему, нашедшему себе место под столичным солнцем, совершенно безразличны проблемы и страдания провинциальных архитекторов, опутанных настоящей паутиной капризов и прихотей местных чиновников?

– Конечно, это не так. Я понимаю, что ситуация в Москве в чем-то отличается от провинциальной, но не принципиально. Различия могут быть только в количественных показателях, все остальное очень похоже. Суть вопроса в том, что, либо мы начинаем играть по правилам, что подразумевает любая демократия, либо играем по-прежнему в какие-то игры типа «козла», когда игроки со свистом перепрыгивают друг через друга сзади. Один очень хороший человек, польский оппозиционер и диссидент 60-80-х годов Адам Михник, сказал замечательную фразу: «Демократия для демократов, а для говнюков говно!» Это чистая правда. Для того чтобы что-то с кого-то требовать, нужно сначала с себя требовать все, что положено, а потом уже с других требовать. Потому что не может говно кричать про демократию.

– Получается анекдот про глиста и его родину. Алексей Львович, последний вопрос. На вчерашней презентации Вы показали ряд работ, которые несут яркий элемент архитектурной шутки. Вы считаете, что архитектура должна быть веселой, озорной, гротесковой? Чем еще можно объяснить шуточные элементы некоторых Ваших объектов?

– Во-первых, это не шутки. Русская архитектура в моем понимании должна быть веселой, жизнерадостной, потому что условия жизни в нашей стране, учитывая суровый климат и другие параметры, достаточно тяжелые. Наши предки строили жизнерадостные храмы, а не угрюмые готические соборы. Я не беру в расчет архитектурные качества и говорю о влиянии на настроение людей. В России

зодчие всегда пытались порадовать сограждан формой, цветом, необычностью, веселостью, а главное, душевностью построек. Иногда они могут показаться аляповатыми, но при этом все в них душевно и любовно по отношению к зрителю. В России не надо никого пугать, все и так живут в постоянном страхе. Вот когда мы не будем друг друга бояться, тогда в нашей стране, может быть, что-то и наладится.

– Спасибо Вам за такую интересную беседу.

Хадича Дулатова

На Кругобайкальской железной дороге

URSA®

**современные технологии
тепло- и звукоизоляции**

Новый ассортимент:

- минеральной ваты
- экструдированного пенополистирола
- звукоизоляционные материалы
- техническая изоляция
- комплексные решения тепло- и звукоизоляции

Широкая область применения:

- наружные стены
- скатные и плоские крыши
- перегородки и перекрытия
- фундаменты и стены подвалов
- трубопроводы

URSA предлагает:

- современные технологии производства
 - поставки в короткий срок
 - широкая сеть складов
 - профессиональные консультации
- по применению тепло- и звукоизоляционных материалов**

- **ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ОФИС В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ:**
тел: (812) 324-44-88, факс (812) 324-44-89
e-mail: ursa-russia@uralita.com

■ **ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В НОВОСИБИРСКЕ:**
тел/факс: (3832) 120-420
e-mail: novosibirsk@uralita.com

■ **ПРЕДСТАВИТЕЛЬ В ИРКУТСКЕ:**
тел/факс: (3952) 208-451
e-mail: irkutsk@uralita.com

www.ursa.ru

Иркутский дизайн как здоровый ребенок

1

Иркутскому дизайну нынче официально пошел седьмой год. Седьмая выставка «Дизайн. Реклама» в СибЭкспо-Центре по традиции стала моментом подведения итогов. Насколько успешно прошло первое семилетие жизни иркутской дизайнерской школы, насколько самостоятелен ее разум и здорова ее физическая оболочка?

Выставка в целом прошла под знаком педагогики. Почти половина экспонентов – это либо студии и школы дизайна, либо работы учеников того или иного мастера (которые именно так и позиционируются, как ученики своего мастера). Семейный характер предыдущих выставок еще очень памятен. Так год или два назад над выставками иркутского дизайна незримо витали слоганы типа «Дизайнеры – одна семья», «Родственников не выбирают» и так далее. Атмосфера семейного праздника, включая неизбежные признания в любви вперемешку с обидами и ссорами, нынче стала более деловой, прохладной и целенаправленной.

В таком контексте отсутствие на выставке многих признанных мэтров иркутского дизайна приобретает особенный смысл. Авторитетные мастера не хотят выставляться. Почему? И сразу же вопрос прорастает глубже: а насколько эти самые

мастера стремятся к роли педагогов, учителей, воспитателей? Ответ несколько горчит: даже те мастера, которые явно наделены педагогическим талантом, избегают учительской судьбы. Традиция передачи секретов мастерства как-то не складывается. Молодежь растет, отмеченная печатью буйной беспризорности, а старшее поколение замыкается – каждый мастер в своем личном творческом пространстве, которое и охраняет с категорической решимостью. Так и живем: признанные мастера сами по себе, педагоги и их ученики – сами по себе. За редкими, слишком редкими исключениями.

По традиции начинаем обзор выставки по часовой стрелке (посолонь, вслед за движением солнца – очень символично). Первая от входа в павильон – экспозиция студии «Пирамида» – самой почтенной из иркутских студий дизайна. Начиная с 1993 года студия неизменно работает с детьми самых разнообразных возрастов – от пяти лет до поступления в вуз. Одиннадцать лет для нашего бурного времени, когда, как на фронте, год следовало бы считать за три, – возраст весьма уважаемый. Остроумно организована структура экспозиции. Впервые руководители студии не поддались искушению выплеснуть на планшеты буйную стихию

детского творчества. Нашли четкие, твердые рамки для этой стихии, задали ясный ритм. В результате кроме бурления эмоций возникла и четкая мысль. Без лишних комментариев видно, как год за годом студийцы движутся от игры с формами и цветом к осознанному решению творческих задач – все менее забавных и умильных, все более профессиональных.

Следующая экспозиция – учительская, мастерская. Игорь Ширшков не только талантливый художник и дизайнер, но и декан факультета изобразительных искусств ИрГТУ. Поэтому, хотя его работа и носит в основном живописный характер, неизбежно воспринимается и как педагогический прием (как известно, самый эффективный метод воспитания – личный пример). Давно любимая И. Ширшковым тема «секретного алфавита», знаков, геометрических шифров в этой работе зазвучала как-то свежее. Импрессионистический воздух, свет, легкое восходящее движение придают череде длинных необрамленных холстов вид праздничный и жизнерадостный. Кажется, что перед нами – средневековый церковной парад, когда по улицам проносят штандарты и знамена, а несут их гордые собой мастера, и на каждом штандарте – символика, понятная толь-

ко посвященным в тайны ремесла. Подобно нюрнбергским мейстерзингерам из оперы Вагнера, дизайнеры могли бы гордо поместить на свои знамена изображения своих рабочих инструментов – знак, цвет, линию.

Прямо напротив Ширшкова спрятались маленькие и скромные экспозиции. Мастерская Ивана Вычугжанина: темное дерево, куклы, стилизация под бурятское язычество. Тонко и точно сделанные вещи – сувениры, украшения. Их декоративная функция очевидна, их ремесленная сделанность не скрывает себя. Вещи хочется подержать в руках, поразглядывать, купить и носить на себе. Авторы экспозиции так и сделали: повесили свои произведения не на стенд, а на себя, и бродили в них по всему павильону.

Рядом тихо цветет лиловым по-дамски изящная композиция Аллы Самойленко. Нежно, чуть жеманно и опять-таки до незаметности скромно. Чего не хватило автору, чтобы заявить о себе более ярко и внятно? Уверенности? Навыка участия в выставках?

Следующий экспонат – Художественное училище. Почему-то в этом году на выставку попали работы исключительно первокурсников. Стилистика жесткая, геометрически четкая, угловатая. Похоже, и здесь творческую

1-2. Игорь Малкин

3-4. Факультет изобразительных искусств ИрГТУ

5. Группа «Полиграф Пресс»

6. Иркутский авиационный техникум

7. Мастерская Ивана Вычугжанина

8. Елена Берман

9. Группа «Цепелин»

10. Любовь Можяева

вольницу загоняют в рамки эргономики. Рассудочная твердость эскизов и чертежей производит почти пугающее, агрессивное впечат-

ное, как камешек в ботинке, ощущение, что дизайнеры стесняются своей «ремесленности». Стесняются простых и внятных задач,

ры «из недр» Архитектурного факультета заметно: экспозиция построена грамотно и осмысленно, легко прочитывается тот путь, которым студенты движутся в решении учебных задач. Яркие, остроумные, оригинальные работы. Но почему-то ни одну из них не хочется взять в руки, принести домой и использовать в повседневном быту. Каким-то они эфемерные, непрочные, ненастоящие. Поставить их в стеклянную витрину и любоваться издали.

Экспозиция кафедры «Дизайн архитектурной среды». Решения фрагментов городской среды обитания, в которую погружены мы все. Дисциплина подачи решений и здесь на высоте: планшеты организованы и прочерчены элегантно и точно. Но всматриваешься в студенческие проекты, прикидываешь, как это все могло бы выглядеть «на самом деле»? И как-то не хочется в такую архитектурную среду погружаться. Среда эта оказывается перегруженной знаками, пространственными и цветовыми узлами, ухищрениями и «наворотами». За решением архитектурных и дизайнерских задач авторы, похоже, начисто забывают о людях. Художник творит, а пользователь пусть приспосабливается.

Поблизости – несколько витрин с ювелирными изделиями студентов кафедры Геммологии ИрГТУ. Понача-

лу радуешься: как заметно вырос уровень мастерства в работе с металлом и камнем! Изящно, аккуратно – вот уж, действительно, юве-

«художественного экстремизма» – скромные, слишком скромные профессионалы. Очень интересный дизайнер интерьеров Наталья

2 ление, но и уважение внушает. Да, тут с первокурсниками не шутят.

Очень похожее впечатление

остается и от экспозиции дизайнеров Авиационного техникума. Картонно-деревянные конструкции, выгнутые и вырезанные по элюрам напряжений, – как шпангоуты. Голая красота конструкции. Но и тут мешает впечатление, что авторы экспозиции недостаточ-но уверены в себе. Досад-

которые ставят перед собой, чтобы было прочно и удобно (а когда прочно и удобно, то уже и красиво). Своей уравновешенности, здравого смысла. Как будто «благородное безумие» – неперменный атрибут настоящего художника, и психическое здоровье для дизайнера противопоказано.

Совсем рядом располагаются экспозиции прямо противоположного настроения. Кафедра Дизайна ИрГТУ. Происхождение кафед-

лирная работа. Но радость гаснет очень быстро. Для кого предназначены работы студентов? Можно ли по виду колье понять, для какой женщины оно лучше всего подойдет – к какому типу волос, кожи, к каким глазам, к какому характеру? Нет, это не украшения для живого человека. Это музейные экспонаты, они созданы, чтобы лежать в стеклянной витрине под неподвижным светом точечной лампы.

Вперемешку с примерами

3 Глебова, замечательный ювелир А. Мухамедшин (даже имя не написал, ограничился инициалом), керамика Елены и Игоря Таволжанских, Татьяны Ерошенко, светильники Екатерины Сусловой, вышивки Татьяны Пискуновой, мозаика группы учеников В.Г. Смагина – все очень разные, но в чем-то и похожие. Одинаково блестящее владение своим материалом, ровный, мастеровский подход к решаемым задачам. Чувствуется, что

ВЫСТАВКА

эти участники выставки не творят в истерическом экстазе, а уверенно делают свое дело – проект за проектом, немного обыденно, может быть, но зато для людей. Крепкие «профи», знающие себе цену.

Разумеется, противопоставление мастерства и творчества не тотально. Есть экспоненты, которые умудряются совмещать броскую оригинальность идеи с ремесленными навыками исполнения. Или, по крайней мере, подают надежды на такое совмещение. Экспозиция факультета Сервиса и рекламы госуниверситета, например. Факультет молодой, энтузиазм и преподавателей, и студентов фонтанирует бурными потоками. Работы не слишком умелые, местами – просто слабые в техническом смысле. Но в рамках молодежной стилистики технические погрешности теряются, а эмоциональный накал, искренность, интерес к жизни и к людям становятся заметнее.

Ученики В. Дейкуна – группа «Полиграф Пресс» – продолжает стилистическую линию учителя. Ирония и резкий юмор, балансирующий на грани китча, составляют «фирменный знак» группы. Безупречный вкус и чувство меры, которые всегда отличали прятные графические остроты учителя и основателя, кое-где изменяют его ученикам. Нелегко выдерживать тонкую грань рядом с пошлостью, и материалы группы выглядят неровно. Но в целом перед нами – мастеровитые и одновременно эпатажные, дерзкие работы.

Эффектно и уверенно подана экспозиция группы «Цепелин». Основной ее профиль – не художественный, а производственный. «Лицо» фирмы – не дерзкие эксперименты с чистой иде-

ей, а новейшие технологии, перфорированные металлоконструкции, газосветные трубки, объемные фигуры из пенопластов. Эти самые фигуры прямо перенесены с предыдущей выставки «Стройиндустрия» (там фигуры висели на металлоконструкциях) (отчего их выглядят несколько странно, но будем считать это художественным приемом. Во всяком случае, нет сомнений, что каждый элемент экспозиции «Цепелина» функционален и сочетает конструктивные возможности с эмоционально-образными.

Разумеется, есть примеры и гораздо менее впечатляющие. Роботообразная «Ева» Евгении Самусевой, склеенная из картонных труб, скорее выглядит как заявка на тему, чем как зрелая работа. Талантливо и своеобразно, но очень невнятно смотрится экспозиция группы «Знак» (а ведь знаки в дизайне – тема гигантская по своим возможностям). Заявки Архитектурной академии при ИргТУ и коммерческого Института дизайна – тоже скорее обещающая, чем нечто состоявшаяся.

Несколько композиций А. Дмитракова – продолжение его многолетних поисков в стилистике «редемейд», но уже вполне станковые, в рамках, самодостаточные. По технике исполнения очень похоже на композиции В. Соколова, но без той мощной влюбленности в материал, которой так блистательно хороши соколовские работы. Нет, алюминиево-серые, почти безжизненные произведения А. Дмитракова не получается отнести к дизайну: они не формируют вокруг себя пространство интерьера, не прогибают его эстетическую ткань. Невесомые, как пе-

пел, они существуют только внутри себя и не в силах стать фактором среды обитания.

Тем интереснее выглядят действительно сильные работы, сочетающие уже найденные образы с перспективой развития.

Любовь Можаяева в этом году (в отличие от прошлого) не порадовала зрителей дизайнерским шедевром. Композиция из сена, яиц и лиловой ткани, «как будто «Шанели» накопили в щип» (из эпиграмм В. Гафта), выглядит как повтор самой себя, а любой повтор слабее оригинала. Зато студия «Белый квадрат» выступила блистательно. И дело не столько в том, что зрелище получилось интересное и трогательное. Дети – существа всегда искренние и творческие так, как взрослым уже и не снится. Успех и заслуга Л. Можаяевой как раз в том, что ее ученики сами сочиняли свои костюмы и сами выходили на подиум. Совсем не было впечатления, что их ведет на ниточках твердая учительская рука. А ведь каждому преподававшему знакомо искушение преподавать, указать «как надо» и в конечном итоге – навязать свое ученику, тем более маленькому и доверчивому. Похоже, что педагогический талант Л. Можаяевой не меньше, чем ее же дизайнерская одаренность. Поздравим же друг друга с таким редким сочетанием, которое живет и работает в нашем городе.

В необычном жанре сделана работа Елены Берман. Серия фотографий: изящная, кокетливая женщина в раскраске черно-терракотовыми половинками. И тут же на распялке – ее пустая «шкурка», платье и маска, лаконичная и грубоватая, как венецианская баута. Ка-

залось бы, просто еще одна арлекинада, немножко театра, карнавала. Заявленная автором программа прямо напечатана на стоящей тут же громоздкой пишущей машинке. Словам программы маска слишком глубока и многократно в мировой культуре, чтобы обращаться к ней так вот легко и просто. Но точное попадание в вечную тему женского кокетства, которое всегда обещает больше, чем дает, и все равно всегда притягательно, придает работе неповторимую нежную ироничность. Максимум выразительности при минимуме затраченных усилий. По этой формуле построена работа Е. Берман: здесь и «цепляющая» дерзость превращения лица в маску, и сюжетная интрига маски опустевшей, и легкий юмор, и столь же легкая эротичность... А всего-то – несколько фотографий, платье и маска.

В совершенно иной эстетике решена авторская работа Игоря Малкина «Малкин Universal». Впечатляющие размеры (восемь на два метра), мастерское владение технологией широкоформатной печати – работа опытного дизайнера рекламы, который свое ремесло знает туго. При этом – глубокая и многослойная содержательность.

Слой первый: молодежный стёб, прикол, ироническая самонасмешка. Тощая, сутулая мальчишеская фигура в «шикарных» темных очках (великоваты, как бы не свалились) и в «леопардовой» шкуре. Победный жест – пальцы враспорырку. И рядом – те же фигуры, но с двумя головами каждая. Вторые головы знаковые, легко узнаваемые: великий дизайнер Филипп Старк,

знаменитая актриса и модель Мила Йовович. Коллаж сделан лихо и храбро, как мальчишеское вранье: а я и с Пушкиным на дружеской ноге!

Слой второй: раздвоение личности. Шизофрения как норма жизни. Каждый из нас, погруженный в информационное поле массовой культуры, думает двумя головами, одна из которых – популярный образ, миф масс-медиа, виртуальный учитель и пример для подражания. Еще хорошо, если хотя бы вторая голова – своя...

Слой третий: человек-знак. Наподобие двуглавого орла, византийского и всех последующих, современный человек глядит разом в две стороны. По одну сторону – реальность физическая, телесная. По другую – знаковая, условная. В «семиотической борьбе» побеждает знак. «Слыть» становится важнее, чем «быть», фирменный ярлык – важнее удобства и прочности, компьютерная игра – важнее повседневной реальности быта. Актеры становятся губернаторами и президентами, молодые влюбляются в виртуальных фантомов Интернета. Человек отворачивается от физической реальности и самозабвенно любит только на знак, на символ, на свою вторую голову.

Наверное, можно увидеть в этой работе еще множество смысловых слоев. Как любое настоящее произведение искусства, коллаж Игоря Малкина многозначен и многосмыслен. Несмотря на некоторую поспешность (работа делалась в последние дни перед выставкой, и это заметно), перед нами – высокий дизайн, единство идеи и формы.

Прямо напротив Малкина – экспозиция его ровесни-

8

ков и коллег. «Группа создателей GO» – Колосовский, Хворостына, Матвеев. Разделяющий две инсталляции подиум приобретает неожиданно каламбурное значение: действительно, работы Малкина и «группы создателей» во многом антиподы (антиподиумы?).

Композиция группы GO «Иркутск – атомный город» предельно напряжена по форме. Черно-белый цветовой ключ с единичными красными акцентами. Жесткий контраст между исполнительскими техниками: часть экспозиции – живая кисть, черная тушь по ватману, а вперемешку – компьютерная анимация на нескольких мониторах. Механический инструментальный аккомпанемент в звуке, навязчивый ритм учащенного пульса. Абстрактные ряды черно-белых кружочков сменяются на узнаваемые абрисы иркутских архитектурных достопримечательностей, которые разрубают мечущиеся полуабстрактные силуэты автомобилей. Острая, парадоксальная красота черного алмаза. Пикассовская «Герника» – почти физическое ощущение стиснутости, неустойчивости и локмой истошности.

Простая, лишённая деталей композиция воспринимается разом вся и ошеломляет, как выкрик в лицо. Первая реакция – шархнуться и тоже заорать. Однако, вспоминая о своих годах и социальном статусе, как-то сдерживаюсь и пытаюсь анализировать.

И тут всплывает еще один, возможно, главный парадокс экспозиции: анализировать-то нечего! Содержания в произведении нет, а есть одна форма. Напряженная до скрежета зубного оболочка, полная пустотой.

Что значит броский сло-

ган – заголовок экспозиции? В каком смысле «Иркутск – атомный город»? Состоящий из атомов? Питающийся атомной энергией? Могучий и опасный, как атомная бомба? Любое толкование – либо нелепость, либо банальность.

Лишенная рассудочного содержания форма становится чистой эмоцией. Что-то подобное на заре советской власти делали энтузиасты конструктивизма. Знаменитая картина Эль Лисицкого «Клином красным бей белых!» – алый треугольник пронзает черно-белые круги, разлетаются прямоугольные брызги, так и слышится вопль «Даешь!». Восторг, упоение, ярость, самозабвенное бешенство, крушение миров и зачатие новых реальностей... В этом состоянии адреналиновой атаки любая мысль и впрямь как-то неуместна. Содержание не нужно, форма сама и есть содержание.

Мысли приходят позже, когда от композиции группы GO уже начинаю костыловать, как от крутой сцены в фильме экшн. Неужели современная молодежь действительно испытывает такую сильную ностальгию по фанатизму? Неужели адреналин в крови, жаркая волна безумного энтузиазма настолько ценны сами по себе, что для них не важна причина – был бы повод?

Для таких мыслей есть основания. Чем, спрашивается, слоган «Сибскана – чемпион!» умнее «Красного клина»? Спортивные фанаты (или, скажем, вышедшие из острой моды рок-фанаты) точно так же обходятся адреналином вместо разума и логики, как и «красные дьяволы» или воспитанники «Гитлер-югенда». И тут уже остается только надеяться, что дело ограничится футбольным фанатизмом и не

9

перейдет в фанатизм национальный или классовый. Дай бог, чтобы стремление разрушать миры и зачинать новые на руинах и дальше довольствовалося поломанными скамейками на стадионе.

Подведем итоги собранным впечатлениям. Как выглядит лицо иркутского дизайнера к середине 2004 года? Да и есть ли оно, собственное лицо у иркутского провинциального дизайнера?

Понятия провинциальности и столичности сами по себе очень размыты. Вроде бы есть столицы мировые – Париж, Нью-Йорк. Есть столица России. Новосибирск постоянно претендует на статус сибирской столицы. Иркутск – столица Прибайкальского региона. Где же начинается провинция?

Условно договоримся, что в дальнейшем тексте столицы считает Москва, а Иркутск столицей не считается. Итак, насколько заметны и содержательны отличия иркутского дизайнера от московского? О московском дизайне позволяют судить многочисленные издания: большинство журналов и альманахов по российскому дизайну выходят в Москве и включают в основном именно работы московских авторов.

Имперский пурпур, ультрамарин и золото, трубы и барабаны парадного марша, стремительная и дробная динамика, деталь, подчиняющая себе целое – вот формальные признаки московского дизайнера. Признаки эмоций гиперстенического ряда: возбуждение, доходящее до истерики, уверенность в себе, вырастающая в гордость и дальше в гордыню, раздражение и агрессия – вплоть до фанатизма. Не так важно, действитель-

10

но ли ты уверен в себе, увлечен, энтузиастичен. Важнее выглядеть таковым, изобразить радость и гордость. Столичный дизайн и отображает желаемое состояние, и внушает их, действуя наподобие антидепрессанта, стимулятора, транквилизатора.

Со стороны идеального содержания московский дизайн смотрится гораздо скромнее. Оно и понятно: задумчивый человек редко выглядит победительно и парадно. Сверкающая форма неизбежно угнетает содержание, поэтому многие образцы московского дизайнера лишены внутренней логики смысла, неглубоки и поверхностны. Довольно часто идея дизайнерского решения, будучи извлечена из своей блистательной формы (например, пересказана на словах), оказывается банальной либо нелепой. Образ жизни и здесь диктует характер восприятия: обдумывать дизайн некогда – увидел, схватил самую бросающуюся деталь, побежал дальше. Не надо афоризмов и коанов – давайте каламбуры и анекдоты!

Иркутский дизайн тоже не чужд стремления сверкнуть яркой деталью. Но образ жизни провинции таков, что дает возможность проявляться и другим состояниям, другим формальным системам. Легкий, порой едва заметный, но постоянный привкус стыда за свою провинциальность делает краски чуть приглушенными, как бы чуть полинявшими по сравнению с московской пестротой. Сдержанная землистость, нюансность, слитность и непрерывность образов. Чуть более вялая и ритмичная, как бы в домашних шлепанцах, не трубящая, а шепчущая эстетика. Иркутские дизайнеры смелее обращаются к тем сос-

тояниям, которые табуированы для москвичей: холодная и горьковатая печаль, монотонная и внятная вина. Даже эмоция отвращения – облезлая, мутная, изощренная, дряблая и едкая – находит свое отражение в провинциальном дизайне.

Отметим, что культура человечества равномерно работает со всеми эмоциями. Преобладание ценности какой-то одной эмоции и отрицание другой – явление чисто местное, локальное. Культура в целом совершенно всеядна. Отсюда – парадоксальное впечатление: в некотором смысле провинциальность совпадает с культурностью. Столица более целеустремленна в своих эстетических предпочтениях и поэтому более однообразна, однобока.

Разнообразие и сдержанность формы дает иркутскому дизайну больше возможностей для содержательности. Я вовсе не пытаюсь сказать, что любое произведение иркутских дизайнеров глубокомысленно, как трактат немецкого философа. Нет, среди экспонатов выставки хватает и бессмыслицы, и поспешно-поверхностных по содержанию образов. Но есть и такие, перед которыми хочется постоять и подумать, как перед музейной картиной большого мастера.

Итак, семилетие выставки иркутского дизайнера и рекламы состоялось. Как и положено здоровому ребенку, иркутский дизайн обзаводится постоянными зубками и уже таким, зубастым, смело выходит на рыночные пути современного общества. Семью «старших» изобразительных искусств – архитектуры и живописи – дизайн постепенно покидает и начинает сравнивать себя не с художниками-станковистами, а с другими, отличными дизайнерами. Место родителей занимают педагоги, место подражания – споры. Продолжается движение к высотам и глубинам высшей математики дизайнера – к философии и гармонии, к ремесленному совершенству и творческому взлетам. К ежедневному труду и к новым выставкам.

Константин Лидин